золотомъ фонѣ; выраженіе лицъ въ нихъ мрачно-однообразное, въ позахъ — грубая условность; большинство изображеній тѣсно связано съ комментариемъ, но много разъ встрѣчается Давидъ и рядомъ съ нимъ *Мелодія* (рис. 132), пляска еврейскихъ дѣвушекъ (рис. 134, очень оригиналенъ костюмъ ихъ); здѣсь же много изображеній аскетическаго характера и сценъ богослужебныхъ.

Затѣмъ г. Тикканенъ перечисляетъ 5 Псалтырей съ немногочисленными и какъ бы случайными иллюстраціями; изъ нихъ онъ останавливается на Ват. Псалтыри № 1213, которая имѣетъ то общее съ аристократической редакціей, что миниатюры ея являются законченными картинами и битва съ Голиафомъ близка къ типу Пар. № 139; но за то многія другія изображенія вполне подходятъ къ монашеско-аскетической редакціи съ нѣкоторыми любопытными особенностями¹⁾.

Изъ русскихъ Псалтырей г. Тикканенъ съ аристократической редакціей сближаетъ такъ называемую Хлудовскую Псалтырь XIII—XIV в., подробно описанную арх. Амфилохіемъ въ III томѣ Древностей Моск. Арх. Общества (оригиналъ этой Псалтыри, какъ извѣстно, греческій, что очевидно изъ удержавшихся мѣстами греческихъ подписей). Новый изслѣдователь прибавилъ къ сказанному о Амфилохіемъ нѣсколько интересныхъ, хотя и не вполне безспорныхъ (напр., относительно сходства съ манерой Чимабуэ, стр. 144) замѣчаній; между прочимъ онъ вынужденъ признать, что многія миниатюры рукописи въ явной связи съ монашеской редакціей.

Затѣмъ изслѣдователь подводитъ итоги сказанному и дѣлаетъ нѣсколько добавленій. Слѣдующій выпускъ будетъ посвященъ миниатюрамъ западнымъ и обѣщаетъ большой интересъ именно въ смыслѣ выясненія взаимодѣйствія востока и запада. То, что сдѣлано до сихъ поръ г. Тикканеномъ, представляетъ массу весьма цѣннаго матеріала, *отчасти* приведеннаго въ порядокъ и систему, такъ что уже теперь представляется почти невозможнымъ работать въ какой либо болѣе или менѣе обширной области нашей иконографіи, не справляясь съ книжкой г. Тикканена; но съ другой стороны намъ представляется несомнѣннымъ, что болѣе подробное обзорѣніе нашихъ лицевыхъ Псалтырей должно не только дополнить, но и видоизмѣнить систему и выводы почтеннаго изслѣдователя.

А. К.

Karl Krumbacher. *Kasia*. München. 1897. Mit. 2 Tafeln. Aus den Sitzungsberichten der philos.-philol. und der hist. Classe d. k. bayer. Akad. d. Wiss. 1897. Heft III, S. 305—370²⁾.

Крумбахеръ хочетъ повидимому дать кое-какія данныя для рѣшенія современнаго жгучаго вопроса о равноправіи мужчины и женщины. Для

1) Напр., при Пс. XIII εἶπε Ἰσραὴλ ἐν καρδίᾳ αὐτοῦ οὐκ ἔστι Θεὸς ἄφρωνъ изображенъ въ видѣ царя, на котораго указываетъ пророкъ Давидъ и пр.

2) Настоящая рецензія составлена по указанію покойнаго проф. В. Г. Васильевскаго.

этого онъ считаетъ необходимымъ подвергнуть тщательному разсмотрѣнію всѣхъ выдающихся женщинъ въ древнее и новое время. Какъ византинистъ онъ беретъ на себя византійскихъ женщинъ. Онъ перечисляетъ ихъ и даетъ краткую характеристику каждой изъ нихъ: таковы Ипатія, съ возвышенной душой, философскимъ умомъ, несчастная жертва разъяренной александрійской черни, христіанской по имени, языческой по дѣламъ; Евдокія, супруга Θεодосія II, поэтесса, болѣе счастливая, менѣе одаренная, чѣмъ Ипатія; Димо, свояченица толковательница Гомера; императрица Θεодора, знаменитая супруга великаго Юстиніана; Ирина, Θεοφάνη, Анна Комнина. Совершенно особо отъ нихъ стоитъ Кассія, женщина не царственная, но не безуспѣшно работавшая въ тиши монастырской келліи.

Жизнь Кассіи, говоритъ нашъ авторъ, походитъ нѣсколько на «милую сказку». Евфросинія, вдова императора Михаила, собрала красивѣйшихъ дѣвушекъ изъ всѣхъ провинцій, чтобы сынъ ея Θεοφίλος выбралъ себѣ среди нихъ невѣсту. Когда дѣвушки собрались въ Жемчужной залѣ, императрица вручила сыну своему золотое яблоко, которое онъ долженъ былъ отдать своей избранницѣ. Среди невѣстъ была и благородная, красивая Кассія. Императоръ, восхищенный ея красотой, остановился передъ нею и сказалъ: «Отъ жены вышло все злое». Со скромностью, но безстрашно отвѣчала ему дѣвица: «Отъ жены же вышло и все доброе». Бойкій отвѣтъ не понравился царю. Можетъ быть, онъ побоялся, что Кассія окажется умнѣе его и будетъ играть роль Пульхеріи или Евдокіи. Слишкомъ находчивая дѣвушка потеряла царскій вѣнецъ и яблоко досталось Θεοδωρῆς изъ Παφλαγονίης. Кассія основала монастырь, гдѣ и сама посвятила себя Богу, принявъ ангельскій образъ. «Нельзя», говоритъ Крумбахеръ, «сомнѣваться въ истинѣ этого разсказа».

Къ доказательствамъ, которыя приводитъ нѣмецкій ученый, прибавимъ и нѣкоторыя свои соображенія. Созывъ невѣстъ со всего государства для того, чтобы государь выбралъ достойнѣйшую изъ нихъ себѣ въ жены — явленіе вовсе не столь рѣдкое или удивительное. Въ той же Византіи бывали еще такіе случаи кромѣ разсказаннаго выше. Бывали они и на Западѣ (при Людовикѣ Благочестивомъ). У насъ въ Россіи они бывали не разъ. Здѣсь, вѣроятно, они всецѣло вышли изъ примѣровъ византійскаго двора, ибо въ собственной древней исторіи мы ничего подобнаго не видимъ. Также и у насъ собирали со всего государства красивыхъ дѣвушекъ и царь указывалъ свою избранницу, вручая ей ширинку. Здѣсь, подъ вліяніемъ мифовъ классической древности, царь вручаетъ золотое яблоко.

Крумбахеръ указываетъ и на то, что сомнѣніе въ подлинности разсказа хроники можетъ быть устранено сообщеніемъ составителя Константинопольскаго Πατριχ, гдѣ говорится о существованіи монастыря Кассіи въ X в. и о ея литературной дѣятельности во дни царя Θεοφίλου. Въ наше время исторія Кассіи послужила темой для литературныхъ произ-

веденій двухъ авторовъ: Hermann Lingg «Nikisa» и Александры Пападопуло «Τὸ μῆλο τῆς ἀγάπης». Время жизни Кассіи можетъ быть опредѣлено съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ. Смотръ невѣстъ былъ въ 830 г.; слѣдовательно она родилась около 810 г. Есть извѣстіе, что она жила еще при царѣ Михаилѣ, сынѣ Θεοφιλα (842—867).

Рукописи неодинаково называютъ Кассію: однѣ — *Κασία* и *Κασσία*, другія *Εἰκασία* и *Ἰκασία*, иныя *Κασσιανή*. Крумбахеръ доказываетъ, что все это одно и то же лицо. При этомъ онъ указываетъ, какимъ путемъ могли получиться эти измѣненія первоначальнаго имени *Κασία*. Замѣтимъ, что въ нашихъ Трїодяхъ она всегда именуется Кассія или Кассіана. Произведенія Кассіи носятъ двоякій характеръ: церковный и свѣтскій. Насколько извѣстна была Кассія какъ церковная поэтесса видно изъ того, что имя ея упоминается у Никифора Каллиста Ксанѳопуло въ его стихотворномъ перечнѣ знаменитыхъ пѣснопѣвцевъ. Изображеніе ея имѣется и въ венеціанской трїоди 1601 года.

Точной характеристики церковныхъ пѣснопѣній Кассіи дать нельзя, за отсутствіемъ полного ихъ собранія. Наиболѣе извѣстны самогласны на Рождество Христово и Предтечи и стихира на Великую Среду: «Господи яже во мвогіа грѣхи впадшая жена...».

Самую совершенную, по словамъ Крумбахера, является пѣснь на Вел. Среду. Въ одномъ типикѣ іерусалимской церкви авторомъ ея названъ патріархъ Фотій. Но Крумбахеръ отрицаетъ возможность этого. Отрицаетъ ее и Дмитріевскій, но въ то же время не допускаетъ мысли и о томъ, чтобы писана она была Кассіей¹⁾. «Во-первыхъ», говоритъ онъ, «въ подавляющемъ большинствѣ древнихъ рукописей мы не встрѣчаемъ надъ этой стихирой ея имени, хотя у насъ подъ руками были почти современныя писательницѣ и несомнѣнно константинопольскаго происхожденія (напр. Трїоди 1099 года Саввинской библіотеки № 741 и 742), а во-вторыхъ, и самое содержаніе стихиръ говоритъ не въ пользу ея происхожденія отъ Кассіи. Знатная, щедро одаренная отъ природы богатыми качествами души и тѣла, гордая (припомнимъ смѣлый отвѣтъ ея императору и удаленіе въ монастырь послѣ неизбранія ея въ царицы византійской имперіи) философствующая и дѣвственная Кассія едва ли въ состояніи была понять, а тѣмъ болѣе превосходно изобразить тѣ глубокія чувствованія и ощущенія, какія переживала раскаявшаяся блудница, обливающая слезами ноги всепрощающаго Спасителя, потому что въ ея прошлой жизни ничего не было такого, чтобы эти чувствованія были ей доступны, а изобразить себя въ роли глубоко падшей грѣшницы—едва ли она была въ состояніи по своему характеру». Поэтому г. Дмитріевскій склоненъ приписать ее «вмѣстѣ съ рукописью XIII в. Синайской библіотеки преп. Таисіи, знаменитой александрійской блудницѣ, спасенной Аввою Пафнутіемъ (IV в.)».

1) А. Дмитріевскій. Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ во св. Іерусалимѣ IX—X в. Казань. 1894. стр. 322.

Нельзя говорить, будто въ стихирѣ этой выражены чувства совершенно недоступныя чистой, дѣвственной Кассіи. Біографія ея извѣстна намъ слишкомъ мало. Вѣроятно, конечно, что она ушла въ монастырь вслѣдствіе того, что послѣ жениха царя никого не хотѣла имѣть своимъ мужемъ. Но это только вѣроятное предположеніе, а никакъ не достовѣрная истина. Мы не можемъ, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, утверждать и то, что она никогда не была замужемъ. Въ нашихъ тріодяхъ канонъ Вел. Субботы надписанъ «жены нѣкія, Кассіи именуемая». Прямыхъ указаній на то, что она всегда осталась безбрачною — у насъ нѣтъ. Но даже если это и такъ, если царская невѣста сочла достойнымъ себя быть только Христовой невѣстой, то кто поручится, что никогда ни одна мысль о грѣхѣ не посѣщала ея? Кто серьезно станетъ утверждать, что ночи въ тиши монастырской были безмятежно покойными и для ея дѣвственнаго духа? Кто знакомъ съ исторіей великихъ подвижниковъ, тотъ никогда не скажетъ, что есть духъ совершеннаго человѣка, который всегда, всю жизнь остался бы чуждъ грѣховнаго помысла. Иногда наиболѣе недоступныя съ виду и вполне чистыя по дѣлу наиболѣе страдаютъ въ душѣ. Да, наконецъ, безъ грѣховныхъ помысловъ, безъ борьбы невозможно совершенство. Знаніе и сознаніе грѣха не унижаетъ: противна Богу только любовь къ грѣху; незнаніе грѣха никакой заслуги собою не представляетъ и къ совершенству не ведетъ. Наконецъ, самая чистота Кассіи среди тогдашняго развращеннаго общества могла быть скорѣе всего протестомъ противъ всеобщей испорченности, а протестъ противъ грѣха предполагаетъ знаніе его.

Въ стихирѣ подъ видомъ блудницы изображена кающаяся о грѣхахъ своихъ душа человѣческая вообще. Нѣтъ нужды видѣть здѣсь личный вопль раскаянія Кассіи: «Ночь мнѣ есть разжженіе грѣха невоздержанна, мрачное же и безлунное раченіе грѣха... Грѣховъ моихъ множества и судебъ твоихъ бездны кто изслѣдитъ». Приведенныя слова не могутъ еще свидѣтельствовать о томъ, что авторъ стихирѣ дѣйствительно былъ великій грѣшникъ. Каждый христіанинъ долженъ сознавать себя грѣшникомъ и блудникомъ независимо отъ наличности грѣха, въ силу самой грѣховности природы человѣческой. Чистота не въ одномъ отсутствіи дѣла грѣховнаго: мысль о грѣхѣ есть тоже грѣхъ. И гордая, чистая Кассія могла съ правомъ писать: «грѣховъ моихъ множества кто изслѣдитъ». Нѣтъ никакихъ внутреннихъ причинъ для того, чтобы отрицать принадлежность данной стихирѣ Кассіи.

Дмитріевскій считаетъ болѣе возможнымъ приписать стихирѣ св. Таисіи, нѣкогда блудницѣ. Онъ видитъ «замѣчательное совпаденіе» между текстомъ стихирѣ и словами преп. Пафнута, спасаго блудницу отъ грѣховной жизни. Совпаденія такого я никакъ не могу увидать. Затѣмъ душевное состояніе преп. Таисіи было таково, судя по ея житію, что едва ли могла вылиться изъ ея устъ другая молитва кромѣ: Боже милостивъ буди мнѣ грѣшной! Наконецъ, характеръ стихирѣ и канона на утрени

Вел. Субботы до нѣкоторой степени одинаковъ: и тутъ, и тамъ важную роль играютъ противоположенія.

Стихирь *Εἰς τὸ μύρον* и *Ἄφρων γηράλιε* Крумбахеръ не нашелъ въ греческой тріоди и думаетъ, что первая тождественна съ «Господи яже во многи грѣхи»... Далѣе, говоритъ онъ, Кассіи приписываются стихира мучч. Гурію, Самонѣ и Авивѣ, и двѣ стихирѣ свв. мучч. Евстратію и Авксентію и иже съ ними. Совершенно неизвѣстенъ до послѣдняго времени былъ канонъ объ усопшихъ той же Кассіи. По содержанию своему онъ является подобіемъ знаменитой пѣсни Романа на погребеніе иноковъ *ὡς ἀγαπητὰ τὰ σκληρώματα σου*, но Кассія стоитъ гораздо ниже его. Она хотѣла дать заупокойный канонъ, пригодный для всѣхъ, а не только на погребеніе иноковъ, какъ то сдѣлалъ Романъ. Поэтому она ограничивается мольбами общаго характера. Отсюда нѣкоторое однообразіе. Только въ концѣ, въ послѣднемъ богородичнѣ проявляется индивидуальная черта: Кассія проситъ Господа увѣнчать благовѣрнаго императора и мольбами Богородицы уничтожить враговъ его. По оригинальности мыслей и глубинѣ поэтического замысла твореніе Кассіи стоитъ несравненно ниже пѣсни Романа. Составъ канона обычный, изъ 9 пѣсень, каждая пѣснь состоитъ изъ трехъ тропарей и богородична. Богородичны въ акростихъ не входятъ. Переписчикъ выпустилъ вторую пѣснь канона, почему изъ краегранесія выпали три буквы и мы возстановить его не можемъ. Читается оно такъ: *ὕπε*** οὐτοναμαχριστωαχσσιας*.

«Чрезвычайно характернымъ для той пропасти, которая существуетъ между древней поэзіей гимновъ и новой-каноновъ, является то, что среди избранныхъ Кассіей ирмосовъ нѣтъ ни одного, который встрѣчался бы среди старыхъ гимновъ». (Кассія, замѣтимъ отъ себя, взяла ирмосы воскреснаго канона VIII гласа: Колеснице гонителя фараона...). «Все это новыя мелодіи. Въ строеніи отдѣльныхъ строфъ она допускаетъ большія вольности и часто считаетъ одни слоги, не обращая вниманія на ударенія. Нерѣдко бываютъ и лишніе слоги».

До сихъ поръ было почти неизвѣстно, что Кассія занималась и свѣтской литературой. Это—ея эпиграммы. Не говорили о нихъ ничего древніе хронисты—это нисколько не покажется удивительнымъ, если принять во вниманіе ихъ исключительно церковный характеръ. Но и въ новѣйшее время на нихъ мало обращали вниманія. Правда, уже Vandinі опубликовалъ эпиграмму на армянъ, но ученые не обратили на это вниманія.

Крумбахеръ описываетъ далѣе три главныхъ рукописи, содержащія въ себѣ *Γυθμια Κασσίας*: 1) рукопись Британскаго музея, Addit. 10072 s. 15 f. 93; 2) codex Marcianus gr. 408 s. 14; 3) codex Laurentianus 87, 16. Изреченія, содержащіяся въ первой рукописи, были изданы Сп. Ламбросомъ (20 изреченій, 12 по два, 8 по одному стиху, всего 32 стиха). Но въ рукописи содержится гораздо больше изреченій Кассіи, 153 стиха. Ихъ и печатаетъ Крумбахеръ въ концѣ своей книжки. Codex Marcianus содержитъ подъ заглавіемъ *Μέτρον ἰκασίας διὰ στίχων ἰάμβων* 27 триме-

тровъ; каждый стихъ начинается словомъ *Μισῶ*. Codex Laurentianus XIII в. подъ заглавіемъ *κασιχα* содержитъ 17 шестистопныхъ ямбовъ разнообразнаго содержанія.

Такимъ образомъ, эпиграммы Кассіи дошли до насъ въ видѣ трехъ группъ. Но 8 стиховъ Londin. мы находимъ въ Marc., а слѣдующіе 8 того же Londin.—въ Laurent. Итакъ, всего дошло до насъ 261 стихъ Кассіи. Всѣ три группы вышли, вѣроятно, изъ подъ пера самого автора, Лондонская группа раньше другихъ. Многія эпиграммы разработаны полнѣе и глубже въ послѣдующихъ двухъ редакціяхъ. Въ Lond. Кассія говоритъ о нравственныхъ отношеніяхъ, о свойствахъ и качествахъ людей и ихъ характерахъ. Цѣлый рядъ изреченій посвященъ дружбѣ. Менѣе подробно говоритъ она о гнѣвѣ и мести, о богатствѣ и бѣдности, счастьѣ и несчастьѣ, и т. д. Особеннымъ ея нападкамъ подвергаются глупцы. Въ Marcianus Кассія перечисляетъ то, что служитъ для нея предметомъ ненависти. Особенно рѣзко, не похристіански обличаетъ и бичуетъ она ту же глупость въ Laurentianus. Еще съ большею желчью рисуетъ она армянъ, видя въ нихъ одно злое и коварное. Въ нѣкоторыхъ изреченіяхъ Кассія говоритъ о женщинѣ. вмѣстѣ съ Симоидомъ она противопоставляетъ жену умную и рачительную женѣ злой и лѣнивой. Странно, говоритъ Крумбахеръ, звучитъ въ устахъ ея изреченіе, что красивая женщина—зло, но красота ея утѣшаетъ; вдвойнѣ же зло и безутѣшное—жена злая и безобразная.

Разобравъ содержаніе изреченій, Крумбахеръ рѣшаетъ вопросъ, насколько они оригинальны. Воззрѣніе, что вся византійская литература за исключеніемъ чисто историческихъ произведеній основана на рабскомъ подражаніи древнимъ настолько распространено, что многіе думаютъ, будто понятія «византійское» и «оригинальное» несовмѣстимы... Но не настолько высокъ мозгъ византійцевъ... Къ числу тѣхъ изъ нихъ, которые шли своими путями, относится и Кассія. Не смотря на огромныя преимущества древнихъ произведеній, которыя именно на почвѣ гномической и эпиграмматической мудрости подавляли византійцевъ и отнимали у нихъ мужество и омрачали радость самостоятельнаго творчества,—не смотря на это Кассія бодро отважилась дать собственныя изреченія, въ которыхъ она безбоязненно излагаетъ свою любовь и свою ненависть, личный опытъ и личныя воззрѣнія на многое въ мірѣ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она совершенно пренебрегла древней литературой этого рода. Дѣйствительно, она обязана ей нѣсколькими темами; не разъ примѣняетъ она точную форму древнихъ изреченій для выраженія собственныхъ мыслей... Что касается до подражаній Кассіи въ позднѣйшей литературѣ, то Крумбахеръ ихъ не нашелъ.

Въ концѣ книги Крумбахеръ даетъ текстъ мертвеннаго канона и эпиграммы по всѣмъ тремъ спискамъ. Къ нимъ приложены два снимка съ 93 и 94 листа Лондонской рукописи.

Если Крумбахеръ хотѣлъ дать просто изслѣдованіе ученаго, филоло-

гическаго характера, то онъ вполне успѣлъ въ этомъ; если же онъ хотѣлъ помочь рѣшенію современнаго вопроса, о которомъ онъ заявляетъ на первой же страницѣ, то онъ немного сдѣлалъ. Какъ въ изслѣдованіи своемъ о Гликѣ, такъ и здѣсь онъ далъ лишь отрывочныя данныя, по которымъ трудно судить о томъ, какова въ сущности была Кассія. Точнаго ея портрета возстановить нельзя, да авторъ и не пытается сдѣлать этого. Можно, конечно, предполагать, что она была выдающеюся личностью, но можно утверждать и то, что это была просто образованная дама, не особенно глупая, съ нѣкоторымъ дарованіемъ. Если основываться на томъ же Крумбахерѣ, то трудно вынести особенно высокое понятіе о поэтическихъ красотахъ канона Кассіи. Высока и трогательна стихира «Господи, яже во многія грѣхи впадшая жена», но принадлежность ея Кассіи не несомнѣнна.

Вообще трудъ этотъ даетъ обстоятельный отвѣтъ, но только не на избранную авторомъ тему. Сомнительно, чтобы онъ много помогъ въ спорѣ о равноправіи женщинъ. Если онъ сказалъ, что въ Византіи бывали умныя женщины и образованныя женщины, то это едва ли было неизвѣстно раньше.

Владиміръ Сахаровъ.

Constantin Litzica, *Das Meyersche Satzschlussgesetz in der byzantinischen Prosa mit einem Anhang über Prokop von Käsarea*. Diss. München 1898. 8°. 52 стр.

Τὸ ἔργον τοῦ Litzica εἶνε ἀπὸ πολλοῦ εἰς κυκλοφορίαν καὶ ἔτυχεν ἤδη εὐφήμου μνείας καὶ ἐν τῇ Byz. Zeitschr. VIII σελ. 535—7 παρὰ τοῦ L. Havet, καὶ ἐν τῇ Revue d. Études Gr. 1899 σελ. 339 παρὰ Th. Reinach. ἀναλαμβάνομεν δὲ καὶ ἡμεῖς νὰ κάμωμεν βραχὺν λόγον περὶ αὐτοῦ, ἂν καὶ ὀλίγον ἄργά, ὑπακούσαντες εἰς τὴν παράκλησιν τῆς Συντάξεως τῶν Βυζαντινῶν Χρονικῶν. Ὅσον ἀφορᾷ τὸν νόμον τοῦ W. Meyer ὁμολογοῦμεν ὅτι ἀνήκομεν εἰς τὴν τάξιν τῶν δυσπιστούντων. ἀπὸ πολλοῦ ἀναζητοῦμεν αὐτὸν καὶ οὐδαμοῦ δυνάμεθα νὰ τὸν εὐρωμεν. καὶ ὑπὸ ταύτην ὅμως τὴν ιδιότητα μετ' εὐχαριστήσεως εἶδομεν τὴν μελέτην τοῦ Λ., διότι αὕτη ἐκτὸς τῶν ἐξαγομένων τὰ ὁποῖα παρουσιάζει εἰς αὐτὸν τὸν Λ., δύναται καὶ νὰ χρησιμεύσῃ ὡς βάσις καὶ εἰς τοὺς δυσπιστούντας καὶ εἰς τοὺς βουλομένους νὰ ἐπιδοθῶσιν εἰς τὴν περαιτέρω μελέτην καὶ λύσιν τοῦ ζητήματος. Διότι τὸ ζήτημα κατὰ τὴν γνώμην μας ἐπιδέχεται ἀκόμη συζήτησιν καὶ κατόπιν τῶν ἀποτελεσμάτων, εἰς ἃ κατέληξεν ὁ Λ.

Ὁ Λ. πολὺ ὀρθῶς ποιῶν εἰς τὴν μελέτην του περιέλαβεν οὐχὶ μόνον τοὺς βυζαντινοὺς συγγραφεῖς, ἀλλὰ καὶ ἐκ τῆς ἀρχαιοτέρας ἑλληνικῆς ἔλαβέ τινα παραδείγματα καὶ ἐκ τῆς νέας ἑλληνικῆς. τὸ ἀποτέλεσμα δὲ εἶνε ὅτι καὶ οἱ ὑπ' αὐτοῦ τοῦ Meyer ἐκτὸς τοῦ νόμου τιθέμενοι συγγραφεῖς δίδουσιν ἀναλογίαν μεταξὺ μὴ κανονικῶν (κατὰ τὸν νόμον τοῦ M.) καὶ κανονικῶν καταλήξεων τῶν προτάσεων ἀπὸ 12% (ἧτοι μεταξὺ 100 καταλήξεων 12 μὴ κανονικαὶ) μέχρι 31%. Ἐκτὸς δὲ τούτου σπουδαῖον εἶνε καὶ τὸ συμπέρασμα, τὸ ὁποῖον ἐξάγει ἐν